

Детям Ирине и Сергею

ПРОЛОГ

1

В один из июньских дней 1908 года в следственной камере при Томской жандармерии находились двое — сам следователь господин Лахновский, человек лет тридцати пяти, с жирным тупым носом, и старший надзиратель Косоротов, мужчина неопрятной наружности, с выпирающими челюстями.

Следователь, в нижней рубашке, за рабочим столом пил чай. Было жарко, его форменный китель болтался на спинке стула. Косоротов прислуживал, через руку у него висело полотенце, и вообще он походил на трактирного полового.

Лахновский поставил пустую чашку на поднос и сказал:

— Слышал я, братец, о твоём рапорте начальству. В Александровский централ просишься?

— Мечта, ваше благородие. С малых, юных лет.

— Мечта — это хорошо. Мечта у человека исполняться должна.

— И вы, ваше благородие, подсобить обещали, ежели отличусь.

— Да-да, я походатайствую. Жалко тебя отпускать, но за усердие и преданность надо поощрять. — Лахновский отодвинул поднос с чайной посудой. — Ну-с, давай опять с твоих новониколаевских земляков начнем... Как тебе удалось выследить их?

— А я, Арнольд Михалыч, стал быть, в иллюзион шел. А когда иду по улице — всегда смотрю: что, где, как? Гляжу — с переулка впереди меня вывернулись двое. И пошли, пошли, скоренько так. Что-то, думаю, не так... А тут один оглянулся. Меня и вдарило: Поли-

пов Петька, земляк! А с ним кто же? Так и есть, Антошка Савельев! Обои в девятьсот пятом — девятьсот шестом годах еще в Новониколаевской тюрьме сидели, когда я там надзирателем служил. Что, думаю, в Томске им надо? Я свисток...

— Ладно, молодец. Веди по одному.

Лахновский накинул китель, закурил. Дымок от папиросы потек на улицу через открытую форточку зарешеченного окошка.

Минуты через полторы Косоротов втолкнул из коридора Антона Савельева. Антон был в помятом пиджаке, из-под фуражки свешивался белесый чуб. Светлые глаза глядели на следователя угрюмо и враждебно.

Лахновский, попыхивая папиросой, подошел, усмехнулся, кивнул на стол, где лежали две серые тощие папки:

— Я запросил из Новониколаевского жандармского отделения ваши с Полиповым личные дела. Ну-с, и теперь будете запирайтесь?

* * *

Антону Савельеву около месяца назад исполнилось восемнадцать. И в этот день была свадьба, он женился на Лизе Захаровой, единственной дочери новониколаевского социалиста Никандра Захарова, погибшего в марте 1905 года при побеге из Александровского централа.

Родился и вырос Антон в деревушке Михайловке Шантарской волости, которая находилась верстах в полтора от Новониколаевска. Его отец, Силантий Савельев, был, как говорили в Михайловке, «беднее поповой собаки». Что значило это выражение, Антон понять никогда не мог, потому что в Михайловке ни попа, ни церкви, а следовательно, «поповой собаки» не было.

Антон рос хулиганистым. Часто колотил меньших братьев — Федора и Ваньку, держал в жестоком страхе всех михайловских ребятишек. Каким бы вырос Антон — неизвестно, но весной 1904 года в Михайловку приехал из Новониколаевска младший брат Силантия, плотник Митрофан.

— Возьми-кось, Митрофан, Антошку хучь на время в город, а? — попросил его старший брат. — Можя, ру-

комеслу своему его обучишь. А то мы тут с маткой никак управы на него не найдем, спортится парнишка до края. С конокрадами вот, слышно, дружбу свел, в карты они его приучили играть.

В Новониколаевске Антону понравилось, но учиться плотницкому делу он не стал. Целыми днями болтался по улицам города, перезнакомился с городскими хулиганами, играл с ними в карты, наловчился обчищать карманы валявшихся у пивнушек мужиков, за что не раз бывал жестоко бит. Неожиданно все дела эти бросил, пристрастился ловить птиц в окрестных лесах, которых и стал продавать на рынке или менять на пряники сыну соседского лавочника Петьке Полипову. Сам Антон сладостей не любил — отдавал тонконогой Лизке, «дочке каторжника», как ее называли все вокруг.

Этой Лизке, худой, как скелет, с острыми коленками и длинными черными бровями девчонке, было лет четырнадцать. Она жила на той же улице, что и дядя Митрофан, мать ее, вечно кашляющая, видимо чахоточная, работала где-то на мыловаренном заводе. Антона Лизка заинтересовала именно тем, что была дочерью каторжника. «Интересно, за что ее отца в каторгу загнали? — думал Антон. — Зарезал, наверное, кого?»

Как-то он спросил об этом у сына дяди Митрофана — Григория. Высокий, жилистый, большеглазый, Григорий работал в паровозном депо кочегаром, от него пахло всегда дымом и сажей, но он был веселым человеком, часто брал с собой Антона на рыбалку и вообще относился к нему дружески, как к ровне.

— Правду человек захотел поискать — вот и упекли на каторгу, — сказал Григорий. Внимательно поглядел на Антона и добавил: — Он, отец ее, социалист.

— Что ж это такое — социалист?

— Революционер, значит.

— А что такое революционер?

Григорий рассмеялся, подмигнул почему-то Антону.

— Интересно? Значит, как-нибудь узнаешь. Всему свое время.

Вскоре Антон узнал, что и Григорий, и дядя Митрофан, и даже его жена Ульяна Федоровна тоже револю-

ционеры, хотя они это тщательно скрывали от него. А когда поняли, что Антону все известно, чуть не отправили его назад в Михайловку, к родителям. Особенно настаивала на этом тетя Ульяна. И его отправили бы, наверно, если бы не Григорий.

— Смотрю я на тебя, батя, и думаю: чего ты хочешь?! — схватился однажды Григорий со своим отцом. Взял со стола отобранную тетей Ульяной у Антона колоду карт, потряс ею в воздухе. — Ты хочешь, чтобы Антон и дальше шел по этой дорожке? А ведь чем дальше, тем оно глубже. Пойми, парень в таком возрасте, когда черт-те что хочется, небывалого чего-то! Так надо помочь ему!

Григорий, веселый, никогда не унывающий Григорий, который воспротивился отправлению Антона назад в Михайловку, в тот же день, буквально через полчаса, принимая на загородном полустанке от связанного политическую литературу, был смертельно ранен жандармом, а вечером умер на руках Антона, сказав:

— Если пойдешь, Антон, правду искать, тебя ждут тюрьмы, каторги и, может быть, вот... такой конец... Пойдешь?

— Пойду.

— Не забоишься?

— Нет.

— И правильно...

— Я буду такой же, как ты!

— Я верю...

В тюрьме Антону впервые пришлось посидеть довольно скоро. И ему, и Лизе, и Петьке Полипову. Несмотря на то, что Петька был сыном довольно богатого лавочника.

С Петькой у Антона постепенно сложились дружеские отношения. Омрачало их дружбу только одно — оба незаметно как-то влюбились в Лизу. Чем покорила она Петьку, неизвестно, красивой Лизу назвать было нельзя. Красивыми были только ее глаза — зеленоватые, как речная вода, и вечно в них плескалось что-то беспокойное и живое. Антону же она понравилась своей отчаянной смелостью, хотя по ее виду заключить этого было

нельзя. Нельзя-то нельзя, но тем не менее в свои четырнадцать-пятнадцать лет она не раз ездила в Томск, привозила оттуда запрещенную литературу и даже оружие.

Сама Лиза к Антону и Петру относилась всегда одинаково, и до самого последнего времени было неизвестно, кому она отдаст предпочтение. Шансы Полипова, как в душе считал Антон, были неизмеримо выше, особенно после выхода из тюрьмы. Всех их посадили в конце октября 1905 года — Антона, Лизу, Петьку, руководителя новониколаевской организации РСДРП Ивана Михайловича Субботина, опытного революционера, совершившего за несколько месяцев до этого вместе с Лизиним отцом побег из Александровского централа. Друзья выправили Субботину документы на имя Кузьмы Чуркина, устроили на службу в Новониколаевске — посудомоем на тюремную кухню. Работая на кухне, Чуркин активно готовил побег политзаключенных. Во время октябрьской стачки, в тот день, когда железнодорожные рабочие, возглавленные после смерти Григория его отцом, Митрофаном Ивановичем, устроили небывалую политическую демонстрацию, тюрьму удалось разгромить. Но подоспевшие казачьи сотни и регулярные войска разогнали демонстрантов, а через несколько минут арестовали всех организаторов побега политзаключенных.

В этот день Чуркин-Субботин дал Антону и Петру Полипову настоящее боевое задание. Антон должен был с утра отправиться на глухой полустанок, получить там у старичка-путейца сумку с патронами и к десяти утра доставить в условленное место в лесу за городом. Это был дополнительный боевой запас, который мог понадобиться. В случае надобности Петьке Полипову следовало эти патроны доставить в город, штурмовой группе. Полипов был гимназист, и ему легче было в своей гимназической форме пронести по улицам города патроны, не вызывая подозрений. Но Антон обиделся, что его не только не берут в штурмовую группу, но и патроны не доверяют нести в город. И поэтому прямо с полустанка он отправился к месту сбора этой группы.

Ух, как вскипел тогда Субботин, увидев такую не-дисциплинированность! А ведь патроны-то были нужны, Полипова Петьку он уже услал за ними в лес.

Следствие по делу организаторов демонстрации и налета на тюрьму велось долго, больше года. Арестованных содержали то порознь, в разных камерах, то всех вместе, подсаживая одновременно и провокаторов. Особенно досталось за это время Полипову. Его чаще других вызывали на допросы, частенько избивали, хотя истязание политических было запрещено. Для Полипова, видимо, делали исключение, надеясь, что изнеженный жизнью сын богатого лавочника не выдержит. Но он выдержал, он никого не выдал, сам Субботин сказал о нем:

— Он настоящий парень, наш Петро. Побольше бы нам таких.

Несмотря на скудные улики, им троим — Антону, Лизе, Петьке Полипову — дали по два года, Митрофану Ивановичу — два с половиной, Чуркину-Субботину же, как беглому политзаключенному, — восемь лет каторги. Но с этапа ему удалось бежать, он снова очутился в Новониколаевске, опять начал сколачивать разгромленную в 1905 году городскую организацию РСДРП.

По выходе из тюрьмы Антон устроился грузчиком на лесопилку. Лиза, как и прежде, относилась к Антону и Полипову одинаково. Мать Лизы, пока они сидели в тюрьме, умерла. Лиза с трудом поступила работать на ту же мыловарку. То Антон, то Петька часто встречали ее у мыловарки, провожали домой. И однажды, чтобы покончить с неопределенностью, Антон решился на откровенный разговор. Говорить ему было трудно, но Лиза и не дала говорить.

— Не надо! Не надо! — воскликнула она и зажала ему рот жесткой ладонью. Потом ткнулась горячей головой в плечо.

— А... а как же Петька? — задал он глупый вопрос.

— А что Петька?! Он хороший, наверно. Но... не знаю. Не лежит и никогда не лежало у меня к нему сердце. Он грамотный, а я... Ты ему сам скажи. Чтоб не встречал больше...

И Антон сказал. Петька выслушал все молча, круглые щеки его налились густой кровью, засинели, на правой щеке заходил тяжелый желвак, и правый же угол рта дернулся.

...Свадьбы как таковой у Антона с Лизой, можно сказать, и не было. В теплый майский вечер он увел Лизу за город, в лес, там они построили шалашик и провели в нем свою первую хмельную ночь. Антон был пьян от счастья, от запаха цветущей черемухи. Этот запах он почувствовал еще вечером, выходя из города. В теплом синеватом воздухе бесшумно носились ласточки, то взмывая стремительно вверх, то припадая к самой земле. И в голове неизвестно откуда явились сами собой и зазвенели четыре стихотворные строчки:

Над городом запах черемух струится,
Давно отступила уж зимняя стынь,
И ласточки, ласточки — быстрые птицы —
Пронзают небесную синь...

Антон даже испугался. Никогда никаких сочинительских талантов он в себе не чувствовал и знал, что таковыми не обладает. И вот тебе на — сочинил! Строчки эти всю ночь звенели в голове, а к утру неожиданно сложился еще один куплет:

И ежели в сердце тоска застучится —
Ты голову в небо чуть-чуть запрокинь,
И сразу увидишь, как вольные птицы
Пронзают небесную синь...

Антон вовсе обомлел.

Когда сквозь дыры в шалашике ударило солнце, Лиза заметила необычность поведения Антона, в ее глазах плеснулось беспокойство.

— Что с тобой?

— Ничего, — смутился Антон и поднялся, вышел на воздух.

Вышла и она. Лесная поляна была залита свежим солнечным светом и звоном птичьих голосов. В этом свете и в этом звоне, собирая ромашки, ходила по поля-

не Лиза в белой кофточке с распущенными волосами. Увидев Антона, она бросилась к нему, закружила его, выкрикивая:

— А я твоя жена! А я твоя жена!

Они упали в мягкую траву и опять принялись целоваться, будто им не хватило на это ночи.

Потом разожгли костер и стали кипятить чай. Глядя на огонь, Антон сказал:

— А знаешь, Лиза, я стих сложил... для тебя.

— Иди ты... — не поверила она. — Как сложил?

— Не знаю. Вот, слушай.

Он проговорил эти восемь строчек торопливо, краснея. Лиза слушала, глаза ее раскрывались все шире.

— Это ты... неужели сам?

— Сам.

— Для меня?

— Ага.

Лиза притихла, им обоим стало неловко будто. И вдруг она замурлыкала, укладывая только что услышанные слова в простенькую мелодию, и пропела их все, не пропустив ни одного.

— Антон! Антон! — вскричала она, кончив петь, прижалась к нему и, счастливая, заплакала.

Вскоре пришла тетя Ульяна, принесла корзинку с едой, несколько бутылок вина. На траве расстелили скатерть, разложили скромное угощение. По одному, по двое стали подходить гости: сперва молчаливый Петька Полипов, потом несколько рабочих из депо, с лесопилки, с мыловарки, из типографии — все члены подпольного городского комитета РСДРП. Последними появились дядя Митрофан и Субботин. Как положено, крикнули: «Горько!» Полипов сидел чуть в сторонке, сжимая в руках граненый стакан. Антон и Лиза, смущаясь, целовались. И все выпили, только Полипов не пил, все сидел, сжимая стакан. Потом резко вздернул руку, выплеснул в рот вино. Но на его поведение никто не обратил внимания, потому что Субботин чуть выпрямился и сказал:

— Товарищи, друзья мои, не будем терять времени. Заседание подпольного городского комитета РСДРП считаю открытым. Вопрос один — об организации нелегальной рабочей газеты...

* * *

— Ну-с, так как же, будете говорить? — повторил следователь Лахновский свой вопрос.

За спиной Антона, за закрытой дверью, затихли удаляющиеся шаги. Еще там, в Новониколаевской тюрьме, Антон научился по звуку отличать шаги Косоротова от шагов других надзирателей — тридцатилетний, он ходил тяжело и грузно, как старик, громко шаркая ногами.

— Вы бы поздоровались сперва, — сказал Антон.

— С какой целью прибыли в Томск?

— Я же говорил — я женился, приехал снять квартиру, чтобы провести в Томске медовый месяц. Полипов мой друг, он помогал мне в поисках квартиры.

— Вы приехали, чтобы восстановить преступные связи с томскими социалистами.

Антон пожал плечами.

Лахновский закурил новую папиросу.

— Советую говорить правду. Ваш так называемый друг Полипов во всем сознался.

— Давайте очную ставку, проверим. Ему не в чем сознаваться. За незаконный арест ответите. Я буду жаловаться.

— Жаловаться? — Следователь подошел вплотную. И вдруг обхватил Антона за шею, поднес к самому лицу папиросу, намереваясь ткнуть в глаз. — Зачем приехал в Томск? Зачем приехал в Томск?!

Антон отклонял голову, пока можно было, одновременно пытаясь вырваться. Но следователь был силен. Тогда Антон схватил Лахновского за руку, крутанул ее. Следователь выпустил шею Антона, присел от боли, застонал. Этот стон придал Антону еще больше ярости, он, не соображая, что делает, размахнулся и сильно ткнул кулаком в мясистый подбородок. Лахновский отлетел к столу, роняя с плеч китель.

— Косоротов! Стража-а! В карцер подлеца!

Жандармы уволокли Антона. Косоротов прыгал во-круг Лахновского:

— Ваше благородие, да как же? Примочечку, может?.. Из квасцов...

— Какие квасцы, болван?! Давай другого, Полипова этого...

В отличие от Савельева Полипов был подавлен и хмур. Он привалился устало к стене и стал тупо смотреть в зарешеченное окошко. Круглые щеки его одрябли, опали, веки припухли, было видно, что он плохо спал, а может быть, вообще не спал несколько ночей.

— Ну-с, здравствуйте. — Лахновский застегнул китель на все пуговицы, сел за стол. — Снова будем запи-раться? Садитесь. С какой целью прибыли в Томск?

— Я уже говорил... — вяло ответил Полипов, усажи-ваясь на стул. — Мой друг решил провести в Томске ме-довый месяц. Я приехал помочь ему подыскать квартиру.

— Придумали бы что-нибудь поумнее, — помор-щился следователь. — Где это видано, чтобы простой рабочий имел понятие о медовом месяце, да еще от-правлялся в свадебное путешествие?

Да, ввали они неубедительно. После женитьбы Ан-тона Полипов с ним почти не разговаривал, и в Томск они ехали будто виноватые в чем-то друг перед другом, потому и не договорились, как вести себя в случае про-вала. Только в последнюю минуту, когда раздался сви-сток Косоротова, Полипов крикнул Антону о медовом месяце и о квартире — первое, что пришло в голову. И вот теперь и он и Антон вынуждены были объяснять свое пребывание в Томске этой причиной, чтобы не за-путаться окончательно.

Лахновский некоторое время внимательно смотрел на арестованного, усмехнулся.

— Слушайте, Полипов. Давайте говорить откровен-но. Какого черта вас, сына уважаемого в нашем общест-ве человека, потащило к социалистам, бунтовщикам? Что вас там, среди этой грязной, неимущей толпы, при-влекает?

Полипов молчал, все так же опустив голову. Лахновский встал.

— Ну хорошо, я понимаю: хмель молодости, романтика борьбы за так называемую справедливость. Чернышевского, наверное, начитались, Герцена, Плеханова... Но теперь вы вполне взрослый человек. Теперь вы можете рассуждать. Для чего вам эта справедливость, если у вашего отца, а стало быть, и у вас, отнимут торговлю, дом, деньги?

Руки Полипова лежали на коленях, короткие пальцы чуть подрагивали. Лахновский заметил это.

— Вы уже бывали в наших руках, но отделались, как говорится, легким испугом. Из уважения к вашему отцу... и надеюсь, что вы поймете, с вами были, как я заключил из вашего личного дела и из рассказов бывшего служащего Новониколаевской тюрьмы Косоротова, не очень строги. Вы что же, снова хотите оказаться в тюрьме, опять испытать человеческое унижение, оставить в тюремной камере лучшие свои годы, а может быть, здоровье, жизнь? Вы будете заживо гнить, а там, за тюремными стенами, солнце, свет, вино, женщины. Да, и женщины, черт побери! А революция давно задушена, разгромлена! И пора бы понять — навсегда.

Лахновский остановился возле Полипова, опять закурил.

— Вы женаты?

— Нет, — коротко ответил Полипов.

— Невеста есть?

— Нет. Была, как я считал. Теперь нет.

— Изменила?

— Замуж вышла за другого! Если вы такой любопытный.

— За кого?

— За черта! За дьявола! — вскипел Полипов. — Ваше какое дело?

Лахновскому нельзя было отказать в наблюдательности, в умении понимать душевное состояние своих подследственных.

— Пойдите, пойдите, — раздумчиво произнес Лахновский. — А не за этого ли вашего друга она...

У Полипова дернулся уголок рта, он отвернулся.

— Тэ-экс... Значит, и любимую женщину они у вас отобрали? Примечательно-с! И вы — отдали? Отдали без борьбы, как самый последний... И не попытались ее вернуть, отвоевать?

— Перестаньте! — крикнул Полипов.

Лахновский не зря был на хорошем счету у начальства. Не давая опомниться Полипову, он обхватил его, как Антона, за шею, поднес горящую папиросу к самому носу, угрожая ткнуть в глаз, зарычал:

— Зачем приехал в Томск? Зачем приехал в Томск? Зачем приехал в Томск?!

Полипов дернулся, закричал. Следователь выпустил его.

— Так вы не хотите попытаться вернуть... любимую женщину? — спросил Лахновский, разглядывая огонек своей папиросы. — Хотя бы с нашей помощью? Или уже разлюбили ее?

Стоя у стены, Полипов никак не мог унять дрожь.

— Что я... должен... для этого сделать? — Голос его рвался.

— Сказать, зачем вы приехали в Томск.

Полипов сунул кулаки в карманы, вынул, снова спрятал.

— Сколько... сколько лет дадите ему... Савельеву?

Это он проговорил с хрипом, отворачиваясь. Даже на следователя ему глядеть было стыдно.

— Смотря по тому, с какой целью он приехал в Томск. Во всяком случае, лет на пять-семь упрячем надежно.

И вдруг Полипов, лихорадочно оглядывая почти пустой кабинет, застонал:

— Нет, нет! Я все наврал... Я все наврал!

Лахновский улыбнулся широко, открыто, почти по-дружески.

— Не кажется ли вам самому ваше поведение несколько смешноватым?

Полипов обмяк, съежился.

— Вот именно, — сказал следователь утвердительно. — Я всегда уважал людей, умеющих взять себя в руки. И так?

— При одном условии — я вне подозрения. — Полипов не глядел на следователя. — Иначе игра не стоит свеч.

— М-м... При одном условии и с нашей стороны. Мы сажаем вас на несколько месяцев в тюрьму. Необходимость этого, надеюсь, вы понимаете. Сажаем в камеру с политическими. Вы должны нас постоянно информировать об их разговорах, планах, связях с волей. Выйдя из тюрьмы, вы принимаете участие в работе вашей партийной организации, подробнейшим образом информируя местное охранное отделение о всех ее делах...

— Довольно! Кончайте... — Полипова всего колотило.

— Прошу вас, садитесь. — Лахновский пододвинул ему стул, сел сам, положил перед собой лист бумаги. — Для начала несколько вопросов. Вожаки вашей городской подпольной организации РСДРП? Их фамилии, клички, явки? В Новониколаевске нелегально проживает бежавший с каторги некто Чуркин, настоящая фамилия которого Субботин. Его местонахождение? И конечно, с какой целью прибыли в Томск?

— Мы прибыли за недостающим оборудованием для подпольной типографии, — глухо начал Полипов. — Типография устроена под домом по адресу...

Когда Полипов, выложив все, замолчал, Лахновский еще некоторое время писал. Кончив, он поднял голову, поглядел на уныло сидевшего напротив Полипова. На секунду в глазах следователя мелькнуло брезгливое выражение и пропало.

— Знаете, о чем я подумал? — спросил он. — К чертовой матери эту охранку, рано или поздно вы провалитесь, если будете иметь дело с ней. Мы сделаем так: я дам вам адрес и шифр, на этот адрес вы будете слать мне из Новониколаевска ваши донесения, подписываясь услов-

ным именем. Таким образом, ни одна живая душа, кроме меня, не будет знать о вашей... патриотической деятельности на благо России. Старайтесь, Полипов, и вы далеко пойдете...

* * *

В декабре 1912 года по самому мрачному, северному коридору Александровского централа с тяжелой связкой ключей на широком ремне, в сопровождении двух младших надзирателей, шел не торопясь Косоротов, заглядывая в глазок каждой камеры, проверяя запоры. Вдруг он заметил, что у одного из его подчиненных плохо заправлена под ремень рубаха-форменка.

— Т-ты, лапоть! — нахмурился Косоротов. — Рохля деревенская! Брюхо вывалится!

— Виноват, ваше благородие! — вытянулся надзиратель, молодой парень лет двадцати.

— Гм... Хучь я и не достигнул до благородия пока... — помягчел Косоротов, — а чтоб при моем дежурстве — как огурец! — И, снова распаяясь, загремел на весь коридор: — Ты где службу несешь? В Александровской центральной каторжной тюрьме ты службу несешь! Ты кого надзираешь? Главных российских преступников-политиков ты надзираешь! Которые имели по нескольку побегов.

— Из новеньких он, ваше благородие, — вступился за молодого другой надзиратель, мужик по виду тоже деревенский, с поседевшими усами. — Исправится он.

— Присылают тут всяких... — несколько остыв, проворчал Косоротов. — Опосля смены зайдешь ко мне в дежурку. Как фамилия?

Фамилию молодой надзиратель сообщить не успел, потому что в конце коридора громыхнула железная дверь, зазвенели шпоры, застучали о пол кованые сапоги.

— Дежурный! — раздался зычный голос. — Принимай заключенного!

Косоротов рысью побежал в конец коридора.

Через несколько минут он вернулся, радостно суетясь вокруг обросшего густой бородой человека, закованного в кандалы:

— Да милый ты мо-ой! Привел-таки господь еще раз свидеться!

— Здравствуй, здравствуй, земляк, — говорил заключенный, тоже улыбаясь. Он шел по коридору не торопясь, устало, поддерживая тяжелые цепи, явно наслаждаясь душным и влажным тюремным теплом.

— Счас камерку тебе! Поменьше, подушнее, — все с той же радостью суетился Косоротов. — Как жил-то, землячок мой хороший?

— А ничего жил, чего там обижаться. Из киренской ссылки сбежал, из акатуйской каторги сбежал. Недавно с Зерентуйской тюрьмой познакомился. Не понравилась что-то, тоже пришлось сбежать.

— Намыкался-то, родимый...

— А ты, значит, достиг-таки своей мечты?

— Дак старался.

— Пофартило тебе в жизни. Ишь в каких хоромах начальствуешь. Не то что наша новониколаевская развалюха.

Заключенный был Антон Савельев. За эти годы он возмужал, раздался в плечах. Коротко остриженные волосы на голове только стали вроде еще белесее, да большой открытый лоб прорезали две неглубокие морщины.

Косоротов все смотрел и смотрел с улыбкой на Антона.

— Господи, да что же я стою, рохля! С дороги-то приморился. Давай сюда, родимый. — Косоротов отомкнул одну из камер. — Самая темненькая, самая сыренькая.

— Спасибо. Вот уж спасибо.

— Чего там, земляки все же.

— Извиняй за беспокойство, да я ненадолго.

— Сколь уж погостишь из милости. Прогонять не будем.

— А сколько будет дважды два?

— Так четыре вроде.

— Вот месяца через четыре, по весне, я и сбегу. Сейчас холодно, да и отдохнуть надо.

— Такой же все веселый ты человек, хе-хе! — совсем растаял Косоротов в улыбке. А потом начал суроветь: — Давай, давай, давай!

Втолкнув Антона в камеру, он замкнул ее, перекрестился истово, и опять мелькнуло на его лице что-то вроде улыбки.

— Ведь и нашего брата тюремщика не обделяет Господь радостями...

Вдруг Антон изнутри сильно застучал в дверь. Косоротов открыл окошечко.

— Что тебе? Камерка не поглянулась?

— Что ты, камерка отличная. Совсем ведь радостью-то я забыл поделиться с тобой. У меня же сын родился. Сы-ын!!

2

Белочешский мятеж в Новониколаевске начался в ночь на 26 мая 1918 года.

В этот день член Томского губернского исполкома Совета депутатов Антон Савельев возвращался поездом из Москвы, со съезда комиссаров труда.

Губернским комиссаром Антона избрали несколько месяцев назад. Он уехал в Томск один, оставив пока Лизу с сыном Юркой в Новониколаевске. Еще по дороге в Москву он написал письмо, в котором сообщил, что устроился наконец в Томске с квартирой и на обратном пути заберет с собой Лизу с сыном. А выехав из Москвы, дал телеграмму, чтобы Лиза с вещами была на вокзале вечером 26 мая.

Получив письмо, Лиза, работавшая секретарем в уездном Совете, попросила освободить ее от службы и весь день с утра 26 мая укладывалась.

Станция Новониколаевск была забита эшелонами с пленными чехословаками, которые по разрешению советского правительства возвращались к себе на родину через Владивосток. Из вокзала, хлопая дверьми, то

и дело выбегали офицеры. Мокрый, не просохший еще после недавно прошедшего дождя красный флаг на крыше вокзала слабо трепетал, как крыло подбитой птицы. Когда стемнело, на привокзальной площади, тускло освещенной электрическими фонарями, появился хмурый худосочный человек в кожанке, с тонким, как щепка, носом, в сопровождении дюжины вооруженных красногвардейцев.

Навстречу вывернулся патруль, и толстый чешский офицер, подбегая, закричал:

— Куда? Нельзя! Назад!

— Со специальным заданием, — вяло сказал человек в кожанке и подал чеху бумажку.

Чех долго читал, подсвечивая себе фонариком. Потом протянул несколько удивленно:

— О-о! Подпись господина Гришина-Алмазова! Но в вокзал нельзя, там совещание. Сигарету, господин Свиридов?

Свиридов от сигареты отказался.

Минуты три спустя на площади появился Полипов, тоже в кожанке, тоже мрачный, смятый какой-то.

— Ну? — спросил он, подойдя к Свиридову.

— Приказ чешским войскам отдан по всей магистрали, — глухо проговорил Свиридов. — В городе через полчаса будут захвачены почта, телеграф, пристань, уездный Совет, Чека, уком... Однако зачем вы здесь? Уходите.

Впервые Свиридова Полипов увидел в Новониколаевской тюрьме в 1906 году. В то время Свиридов был членом Томского комитета РСДРП, сплошь состоявшего из меньшевиков, и в камере яростно спорил с Субботиным на политические темы. А Митрофан Иванович Савельев, слушая эти споры, сказал однажды: «Знаешь что, Свиридов? Годиков через пять... а может быть, раньше даже, ты станешь платным осведомителем царской охранки».

С тех пор Полипов Свиридова не видел, но знал, что по выходе из тюрьмы он порвал с меньшевиками, при-

мкнул к большевистскому крылу РСДРП, а после победы советской власти оказался в Новониколаевске в качестве комиссара небольшого красногвардейского отряда.

— Что это низко так упали, Свиридов? — пошутил тогда Полипов.

— А вы, смотрю, высоко взлетели, — неприязненно ответил Свиридов. От него сильно пахло водкой.

После установления советской власти в Новониколаевске Полипов состоял членом Ревтрибунала. Лахновский с самой Февральской революции вестей о себе не подавал, Полипов, разумеется, не разыскивал его, думал иногда с затаенной надеждой: может быть, погиб где в этой мясорубке? Хорошо бы... Но совсем недавно Свиридов встретил его случайно на улице, пригласил к себе домой. И там, выпроводив жену и дочь — девочку-подростка лет тринадцати — на кухню, без обиняков сказал, морщась и поглаживая живот:

— Советской власти осталось существовать не много, самое большее — с неделю. В Новониколаевске давно создано подпольное Временное сибирское правительство, оно собирает силы для решительного удара. Нам помогут чехословацкие войска. Я все откровенно вам говорю, потому что... В общем, говорю с вами по поручению Лахновского. Бывший следователь Лахновский — мой хороший знакомый... к сожалению.

— Кто же вы? — изумился Полипов.

— Мы, конечно, попытаемся врасплох захватить кого надо, — вместо ответа проговорил Свиридов. — Но сразу всех арестовать вряд ли удастся. Поэтому... В общем — скрывайтесь сами, но особенно следите, где будут скрываться другие. Эти сведения, даже самые предположительные, будут для нас очень важны, как вы понимаете. Связь будете держать только со мной, как вы держали ее с Лахновским.

— Но где же... сам Арнольд Михайлович?

— Пока сидит в Томской тюрьме.

Итак, о нем, Полипове, не забыли, ему снова отводилась его роль.

...Последние группы чехословаков ушли с привокзальной площади. Мирно, даже как-то уютно светились невысокие окна вокзальчика. Ничто не предвещало, что буквально через несколько минут в городе начнется кровопролитие.

— Я спрашиваю, что вы болтаетесь тут? — зло спросил Свиридов Полипова.

— Лиза... Что будет с Лизой? Я вижу, вы ждете московского поезда, вы хотите арестовать Антона, о котором я вам сообщил... Но Лиза... Не трогайте ее, очень прошу...

— Нервы, товарищ Полипов, — усмехнулся Свиридов. — Вы все еще не оставили надежды? А пора бы.

Да, пора бы. Десять лет прошло со времени ее замужества, сын у Лизы уже большой. Со дня свадьбы едва ли год-полтора в общей сложности жила она с Антоном — остальное время он проводил в тюрьмах, побегах, снова в тюрьмах. Февральская революция освободила его из забайкальских каторжных рудников, а после Октября он уехал в Томск. И смешно Полипову было иногда, и горько: на что надеялся десять лет назад, когда решился на предательство? И все-таки до сих пор не может оставить своей надежды. Сам давно понимает, что все это несбыточно, а не может. И до сих пор живет холостяком, неуютной, неприкаянной жизнью, один как перст в огромном и гулком отцовском доме. Где отец с матерью, живы ли они — Полипов не знал. После национализации городского банка, в котором отец держал, видимо, значительные ценности, он поскучнел, осунулся, согнулся. И в январе 1918 года, бросив дом и пустые лавки, исчез вместе с матерью из города, отправив по почте сыну письмо: «Будьте вы прокляты все... А ты, любезный сынок, в первую очередь...»

Полипов был рад даже, что отец поступил таким образом, вздохнул с облегчением. Рано или поздно ему пришлось бы что-то предпринимать в отношении родителей. А теперь, если переворот удастся, родители вернутся, узнают о нем всю правду, отец возьмет назад свое проклятье.

Свиридов нервно поглядывал на часы. Невдалеке раздался паровозный гудок, на стрелках застучали колеса подходящего поезда.

Из ближайшего переулка, из темноты, послышался детский голос:

Мы свободу свою добывали
Не мольбой, а штыком...

Полипов сразу узнал — это Юрка, сын Лизы. И через несколько секунд он появился сам — в чистой, отутюженной рубашке, с приглаженными лохмами волос, а следом Лиза и Ульяна Федоровна с узлами и чемоданами.

— Петр! — воскликнула Лиза. Глаза ее обеспокоенно поблескивали. — Спасибо, что пришел Антона встретить.

— Я тебя пришел проводить...

— Что происходит в городе? По улицам маршируют колонны чехословаков.

— Ничего особенного, — подал голос Свиридов. — Они пошли на помывку в баню.

Ульяна Федоровна опустила на землю тяжелый узел.

— Господи, и Митрофана чего-то нету... Ведь обещал подойти. Так и не вылезит из этой своей Чеки, пропади она пропадом.

Бывший плотник, Митрофан Иванович Савельев после Октября работал в Чека, дома почти не ночевал. Последние несколько дней он вообще в семье не появлялся, сегодня после обеда сообщил через посыльного, что придет на вокзал повидаться с племянником.

— Лизавета, чего стоим-то? — вновь схватила за узлы Ульяна Федоровна. — Кажись, поезд уже пришел.

— В вокзал нельзя, — сказал Свиридов. — Антон сам сюда придет.

— Это как нельзя? — Ульяна Федоровна взглянула на Свиридова. — Ты кто таков?

Свиридов отвернулся. Полипов торопливо схватил Лизины руки.

— Что ж, до свидания... Что ж... желаю счастья.